

Е. К. Скрибник

*Институт финноугроведения
Университета им. Людвига Максимилиана, Мюнхен*

Скрепя гэжэ в бурятских эмотивных конструкциях

Бурятские сложные (полипредикативные) конструкции вербализации эмоций допускают придаточные двух основных типов: с финитным сказуемым и скрепой на базе служебного глагола речи (гэжэ) либо с инфинитным сказуемым – формой одного из причастий с падежным показателем. Эти два типа противопоставлены характером события-стимула эмоции: реальное событие или ментальный конструкт, т. е., в конечном счете, через отношение к источнику информации, выраженной в придаточных предложениях (непосредственное восприятие или непрямые источники – логическое умозаключение, пересказ и т. п.).

Ключевые слова: бурятский язык, эмотивные конструкции, скрепа гэжэ, оппозиция инфинитных и финитных придаточных, источник информации.

Задача настоящей статьи – дополнить выполненное ранее описание бурятских сложных (причастно-падежных) эмотивных конструкций [Скрибник, 1982]: если там рассматривались конструкции, в которых событие-стимул эмоции выражалось зависимыми предикативными единицами (ЗПЕ) с инфинитными сказуемыми, то в этой работе будет показана вторая возможность – конструкции с финитной зависимой частью, вводимой грамматикализованной деепричастной формой служебного глагола говорения гэ= (гэжэ), а также системные смысловые отношения между этими двумя структурными типами эмотивных конструкций (далее ЭК)¹.

1. Способам вербализации эмоций и ЭК разных языков уделяется большое внимание в рамках различных семантических теорий, когнитивной лингвистики, грамматики конструкций и др. [Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., 1993; Иорданская, 1984; Speaking of Emotions..., 1998; Baider, Cislaru, 2014; Emotions in Crosslinguistic..., 2001; Kövecses, 1990; 2000; Wierzbicka, 1998; 1999 и мн. др.]; выполнено несколько их монографических описаний (например, [Verhoeven, 2007]) и сделаны попытки ареального и типологического обобщения [Bickel, 2004; Kutscher,

---

¹ Выражаю глубокую благодарность канд. фил. наук Надежде Доржиевой за помощь при семантическом анализе бурятского материала.

Скрибник Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, директор Института финноугроведения Университета им. Людвига Максимилиана (Ludwigstrasse, 31 / III, München, 80539, Deutschland; elena.skribnik@finn.fak12.uni-muenchen.de)

2009 и др.]. Эмоции при этом определяются как «cognitively based feelings» (т. е. как ощущения, основанные на познании, – в противопоставлении физическим ощущениям [Wierzbicka, 1999]) и понимаются либо как явление универсальное, общечеловеческое, либо как явление сложное социально-культурное, тем самым культурно-специфическое: «cultural artifacts of the mind» (С. Geertz «The Interpretation of Cultures: Selected Essays», цит. по: [Verhoeven, 2007, p. 39]). Подход А. Вежбицкой частично снимает это противоречие через анализ эмоции в терминах базовых семантических универсалий (THINK, KNOW, WANT, FEEL [Wierzbicka, 1996; Baider, Cislaru, 2014]). Согласно [Wierzbicka, 1999] все языки располагают средствами вербализации эмоций, наиболее универсальными из которых представляются страх, гнев и стыд; эмоции можно выразить через внешние проявления, физиологические ощущения и через соотнесение с частями тела; наконец, обычно в языке имеется несколько ЭК, противопоставленных по различным параметрам. Например, три структурных типа ЭК в языке майя противопоставлены характером стимула эмоции: 1) пресуппозитивные и фактивные пропозиции; 2) актуальные и потенциальные ситуации; 3) гипотетические ситуации [Verhoeven, 2007, p. 308].

В рамках когнитивного подхода активно изучается метафоризация в ЭК [Kövecses, 2000]. Наконец, анализ соотношения семантических и синтаксических аргументов («argument alignment») позволил выделить от двух до трех основных типов эмотивных глаголов и конструкций (например, [Belletti, Rizzi, 1988; Croft, 1993]): тип *fear / temere* (экспериенцер – подлежащее, Exp / NOM), тип *frighten / preoccupare* (экспериенцер – прямое дополнение, Exp / АКК) и, наконец, тип *appeal / piacere* (экспериенцер – косвенное дополнение, Exp / DAT); сходные три типа обнаруживаются и в бурятском языке [Скрибник, 1982].

В нашем описании бурятских ЭК учтены только полипредикативные конструкции; это лишь часть всего поля вербализации эмоций, зато с максимально развернутыми средствами их представления. К сожалению, в бурятской академической грамматике [Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962] они специально не описываются.

2. Вначале кратко суммируем информацию о структуре и типах ЭК, подробно обсуждавшуюся в [Скрибник, 1982; 1988]. Под эмотивной конструкцией в узком смысле здесь понимается сложное (полипредикативное) предложение, в главной части которого названо некоторое эмоциональное переживание субъекта эмоции (экспериенцера), а в зависимой части – событие-стимул. В роли сказуемого главной части выступают эмотивные глаголы и соотносящиеся с ними предикативные имена эмоционального состояния, образующиеся от однокоренных именных основ с помощью суффиксов =*тай* / =*гуй* (наличие / отсутствие признака, названного основой): *баяса*=, *баярла*= ‘радоваться’ – *баяр* ‘радость’ – *баяр=тай* ‘(мне) радостно’; *гайха*= ‘удивляться’ – *гайхал* ‘удивление’ – *гайхал=тай* / *гайхал=гуй* ‘(не) удивительно’; *гомдо*= ‘обижаться, сожалеть’ – *гомдол* ‘обида’ – *гомдол=той* ‘обидно’; *зобо*= ‘горевать, страдать’ – *зоболон* ‘страдание’ – *зоболон=той* ‘тяжело, доставляет страдание’; *хайрла*= ‘любить, жалеть’ – *хайр=тай* ‘жалко’ и др.

В зависимости от того, какая из трех составляющих (экспериенцер, эмоция, стимул) имеет большую коммуникативную значимость, различаются три разных структурно-семантических типа конструкций, задающих эмоциональное переживание под разными углами зрения: на переднем плане стоит либо субъект эмоции (экспериенцер), испытывающий эмоцию как непосредственную динамическую реакцию, либо сама эмоция как статическое состояние, либо событие-стимул, эту эмоцию вызвавшее. Соответственно меняются формы: эмотивный предикат представлен либо глаголом в формах активного и побудительного залога, либо именем эмоционального состояния. Далее, субъект-экспериенцер выражается разными падежными формами: либо неопределенным падежом (подлежащее при эмотив-

ном глаголе: тип *я радуюсь тому, что...*), либо винительным (прямое дополнение при глаголе каузации эмоции типа *меня радует, что...*), либо дательно-местным (косвенное дополнение при эмотивном именном предикате: *мне радостно, что...*). Наконец, событие-стимул также оформляется по-разному: либо это придаточное дополнительное (косвенное дополнение в дательно-местном падеже и исходном падеже), либо придаточное подлежащее – в конструкциях каузации эмоций и эмоционального состояния. Сравним конструкции.

(1)

Би Бат=ын город ерэ=һэн=дэ=нь ехэ
 я Бата=GEN город ехать=PrtPast=DAT=3Sg очень
гайха=ба=б
 удивляться=PAST=1Sg
 ‘Я сильно удивился тому, что Бата переехал в город.’

(2)

Намайе Бат=ын город ерэ=һэн=Ө=иинь ехэ
 я:ACC Бата=GEN город ехать=PrtPast=NOM=3Sg очень
гайх=уул=ба
 удивляться=CAUS=Past:3Sg
 ‘Меня сильно удивило то, что Бата переехал в город.’

(3)

Нам=да Бат=ын город ерэ=һэн=Ө=иинь ехэл
 я:DAT Бата=GEN город ехать=PrtPast=NOM=3Sg очень
гайхал=тай
 удивление=PROPR
 ‘Для меня (букв.: мне) очень удивительно, что Бата переехал в город.’

Здесь продемонстрированы конструкции с инфинитной зависимой частью в форме причастия прошедшего времени на *=һАн*; соответственно, в придаточном дополнительном оно сопровождается суффиксом дательно-местного падежа *=ДА*², а в придаточном подлежащем имеет нулевую форму неопределенного падежа.

Добавим еще, что, как известно, существуют многие другие типы конструкций для вербализации сценария эмоционального переживания. Например, можно акцентировать участника события-стимула эмоции, т. е. вместо каузирующего события вывести в позицию подлежащего каузатор-лицо или предмет (тип *Он обрадовал меня своим приездом* или *Его письмо меня обрадовало*); можно сосредоточиться на самой эмоции (ее фазы, интенсивность и пр.), устранив из конструкции стимул (типы *Я в гневе*, *Меня охватило отчаяние* и т. п.) или даже экспериенцера (тип *Воцарился ужас*)³. В бурятском, однако, каузатор-действие и его результат встречаются гораздо чаще, чем каузатор-лицо.

(4)

Эдэ үгэ=нүүд=ынь Дагб=ые сахилгаан мэтээр
 эти слово=Pl=3Sg Дагба=ACC молния как

² Дательно-местным падежом стимула управляют все эмотивные глаголы, кроме глаголов типа ‘бояться’, управляющих исходным падежом.

³ Многочисленные метафорические фразеологизованные способы выражения эмоции (...*заставило его сердце биться быстрее*) здесь не рассматриваются.

сои=оо=бо

бояться=CAUS=Past:3Sg

‘Эти его слова напугали Дагбу, словно молния.’ (Бадм., с. 27)

(5)

Тэрэ хоёр=ые арх=яар гайх=уул=хаяа хана=ба
те два=ACC водка=INS удивить=CAUS=CVB думать=Past

гү=и?

Q=2Sg

‘Ты этих двоих собирался водкой удивить?’ (БК)

Кроме того, регулярны конструкции с фразеологически связанным глаголом *хүрэ* ‘достигать’ (тип *Воцарился ужас*). Специфика бурятского языка состоит, однако, в том, что полностью устранить экспериенцера невозможно благодаря наличию категории притяжательности: подлежащее – название эмоции обязательно оформляется притяжательными показателями соответственно лицу экспериенцера.

(6)

Айдахан=инь ехээр хүрэ=нэ
страх=Poss3Sg очень достигать=Pres:3Sg

Букв.: Страх=его очень достиг.

‘(Он) сильно испугался.’

Как мы видим, эти периферийные типы эмотивных конструкций принадлежат уровню простого предложения, поэтому из дальнейшего рассмотрения исключаются. Далее, употребление скрепы *гэжэ* зарегистрировано в текстах и подтверждено информантами только для сложных конструкций 1-го типа (*Я радуюсь тому, что...*); на нем далее и сосредоточимся.

3. Итак, для выражения эмоциональной реакции помимо конструкции с причастно-падежной формой глагола используется также бифинитная конструкция со скрепой *гэжэ*, первичная функция которой – введение прямой речи и финитных дополнительных придаточных при глаголах оперирования информацией (о структуре и функциях таких конструкций см. подробнее [Скрибник, 1987]). Скрепа *гэжэ* употребляется в качестве средства связи и в эмотивных конструкциях; тем самым можно сказать, что значение конструкций с *гэжэ* расширилось от выражения содержания речи и мысли до обобщенного значения психической деятельности вообще. В качестве русского переводного эквивалента скрепе *гэжэ* наиболее адекватно соответствует частица *мол*, грамматикализованная сходным образом (от глагола речи в служебном употреблении).

При эмотивных сказуемых главной части зависимая часть с *гэжэ* представляет как бы внутреннюю прямую речь, описывающую не столько событие-стимул, сколько некоторую его переработку в сознании (это подчеркивает и регулярное наличие в придаточном с *гэжэ* модальных частиц, ср. примеры (7–10, 12), либо вопросительных слов, ср. примеры (9, 10)).

Разновидностей такой интеллектуальной переработки представлено много, например:

- логический вывод: (7) *Хамар доронь үсөөхэнишье хаа, утанууд шарабтар хахалуудые обёорходоо, энэмни мүнөө болотороо хахалаа үшөө хюһажа хураагүй юм ха гэжэ гайха=ба=б* (Жимб., с. 5) ‘Заметив у него под носом хоть и реденькие, но довольно длинные рыжеватые усы, (я) удивился, мол, оказывается, он до сих пор еще не научился бриться’;

- оценка и интерпретация: (8) *Мүн баһа хүбүүн хүн аад, Майдар яагаа дүүлэгэр हुла, түрүүшын алхам уридишалан хэхэгүй юм бэ гэжэ гайхаха* (X, с. 43)

‘Удивляется, мол, Майдар, хоть и мужчина, но какой несмелый, слабый, почему не делает первый шаг навстречу’; (9) *Юун дээрэнээ Балжаа иигэтэрээ уурл=аа гээшэ=б гээжэ Должон гайха=на* (БК) ‘Должон удивляется, мол, почему это Балжа до такой степени разозлилась’;

- реконструкция событий, пересказ: (10) *Хаанаһаа энэ тайгын оёрто шүдхэр байлтай юм гээжэ баһа гайха=на=б* (БК) ‘Удивляюсь еще, откуда это в глубине тайги взялся этот чёрт’; (11) *Дагба баабайтайгаа уулзангүй, угыдэмни ябааша=ба гээжэ зосоогоо тон ехээр шанал=ба* (Ш, с. 19) ‘Дагба, не встретившись с отцом, в душе сильно пожалел, что тот уехал в его отсутствие’ (букв.: ‘пока меня не было, уехал’);

- прогноз: (12) *...Должод=оо алдажа орхихоёо байгаагүй хүн аа гү=б гээжэ Цыремпил ай=даг болоод байһан юм* (ХН.ҮТ, с. 25) ‘Цыремпил стал бояться, не потеряет ли он свою Должод (букв.: не потеряю ли я, мол, стал бояться)’; (13) *Үбдэ=хэ=гүй гээжэ би найд=аа=б* ‘Я надеялась, что не опоздаю’.

4. Рассмотрим теперь подробнее комбинаторику глагола *бояться*, который в сложном предложении употребляется чаще именно со скрепой *гээжэ*, что, естественно, связано с системой значений этого глагола, обуславливающих его комбинаторику. Значение непосредственной эмоциональной реакции у этого глагола реализуется обычно в простом предложении (*бояться кого / чего*, по-бурятски с исходным падежом); с реальным событийным стимулом этот глагол практически не встречается – как и в русском, в таком случае используется временная конструкция: *испугался, когда...* Самыми же частотными значениями глагола *бояться* оказались значения а) эмоционально окрашенного отрицательного прогноза, б) инференции.

В первом случае используются три конструктивных возможности: несколько реже – причастно-падежная конструкция с исходным падежом причастия будущего времени (14), в моносубъектном варианте – также форма целевого деепричастия на *=хаяа* (15), и значительно чаще – конструкция с *гээжэ* и формами будущего времени в зависимой части, как в разносубъектном (16), так и в моносубъектном варианте (17). Конструкция с *гээжэ* здесь практически синонимична причастно-падежной и деепричастной и может свободно их заменять.

(14)

Гэр=т=ээ хари, алуул=ха=һаа=и ай=на=б
дом=LOC=REFL возвращаться=IMP убить=PrtFut=ABL=2Sg бояться=Pres=1Sg
‘Возвращайся домой, я боюсь, что ты будешь убита.’ (Тум.ТБ, с. 110)

(15)

... Бэе=һээ холо бол=го=жорхи=хоёо
сам=ABL далеко становиться=CAUS=INTENS=CVB
ай=гаа биуу
бояться=Past:2Sg PTCL
‘Конечно, побоялся отпустить далеко от себя.’ (X, с. 78)

(16)

Тэсэ=хэ=гүй=нь гү гээжэ ай=на=б
сдерживаться=Fut=NEG=3Sg Q COMP бояться=Pres=1Sg
‘Я боюсь, не потеряет ли он терпение.’ (БК)

(17)

Хадха=ха гээжэ ай=на гү=и?
уколоться=Fut COMP бояться=Pres Q=2Sg
‘Боишься уколоться?’ (БК)

Интересно, что этимологически =*хаяа* – это моносубъектная форма винительного падежа причастия будущего времени, винительный же падеж – это падеж конструкций оперирования информацией, а прогноз как раз и является разновидностью такого оперирования; тем самым дистрибуция глагола *бояться* в этом семантическом варианте подчеркивает двойственный его характер (эмоция + оперирование информацией). Однако прогностический компонент семантики открывает возможность использования здесь и скрепы *гэжэ* с формами будущего времени как скрепы, исходно семантически ориентированной на представление коммуникативной и информационной деятельности сознания; семантические различия между двумя конструктивными типами практически снимаются.

Второй же семантический вариант глаголов типа *бояться*, инферентивный, допускает только один конструктивный вариант – со скрепой *гэжэ*. В этом варианте зависимая часть называет предполагаемое негативно оцениваемое событие, ее сказуемое имеет форму настоящего (18) или прошедшего времени (19), часто с вопросительными частицами.

(18)

Гэнтэл муу юумэ хэ=нэ   *аа*   *гү*   *гэжэ*
внезапно плохо нечто делать=Pres:3Sg   PTCL Q   COMP
ай=гшиа=б
бояться=Past:1Sg
‘Внезапно я испугался, не делает ли он что-то плохое.’ (БК)

(19)

...буга эбэр=ээ   *гэмтээ=бэ*   *гү*   *гэжэ*
марал рога=REFL   повредить=Past:3Sg   Q   COMP
ай=хаар...
бояться=CVB
‘Испугавшись, не повредил ли марал свои рога...’ (БК)

Было бы интересно провести диахроническое исследование по существующим историческим текстам; современный корпус однозначно показывает, что глагол *бояться* сочетается преимущественно с зависимыми ПЕ, называемыми различными ментальными конструкты (доминирование скрепы *гэжэ* и формы на =*хаяа*). Так, из первых 100 примеров с глаголом *ай=* ‘бояться’ в Бурятском корпусе 12 были с формой на =*хаяа*, 12 с *гэжэ* (6 с прогностическим и 6 с инферентивным значением), и только 6 – с причастно-падежной конструкцией (в остальных примерах стимул выражался именем в исходном падеже: *Боишься его?* – либо не выражался вообще: *Боишься?*). Можно сказать, что по статистике современного корпуса люди боятся реальных опасностей гораздо реже, чем результатов деятельности своего воображения.

Подведем итоги. В сфере выражения эмоции конструкции с *гэжэ* противопоставлены причастно-падежным конструкциям характером стимула: эмоцию вызывает не непосредственно само событие действительности, а его интеллектуальная, оценочная и т. п. переработка и интерпретация говорящим. Здесь налицо имплицитный блок «переработка информации»: *...гэжэ шаналба* = ‘пожалел, узнав, что...’, *...гэжэ гайхаба* = ‘удивился, поняв, что...’. Эмоциональная реакция на реальное событие-стимул обычно связана с непосредственным его восприятием; таким образом, в системном поле эмоции закреплена оппозиция, отражающая источник информации о событии главной части и относящаяся тем самым к семантической зоне эвиденциальности («evidential strategy», [Studies in Evidentiality, 2003, p. 18–20; Aikhenvald, 2006, p. 105–151]).

Можно еще добавить, что синхронный текстовый анализ допускает диахронную гипотезу, что скрепа *гэжэ* не только движется вширь, охватывая все новые участки полипредикации (от изъяснительных до эмотивных – и далее до обстоятельственных), но и вглубь, конкурируя с другими формальными средствами и даже вытесняя их. Эта гипотеза заслуживает проверки по историческим источникам на бурятском языке.

Список литературы

- Апресян В.Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
- Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б.* Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
- Иорданская Л. Н.* Словарные статьи *бояться, восторг, восхищать, гнев, страх* и др. // Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach; Sbd 14).
- Скрибник Е. К.* Эмотивные конструкции в бурятском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 83–90.
- Скрибник Е. К.* Изъяснительные полипредикативные конструкции с *гэжэ* // Показатели связи в сложном предложении. Новосибирск, 1987.
- Скрибник Е. К.* Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск, 1988.
- Aikhenvald A. Y.* Evidentiality. Oxford Univ. Press, 2006.
- Baider F., Cislaru G.* Linguistic Approaches to Emotions in Context. Amsterdam: Benjamins, 2014.
- Belletti A., Rizzi L.* Psych-Verbs and Theta-Theory. Natural Language and Linguistic Theory 6. 1988. P. 291–352.
- Bickel B.* The syntax of experiencers in the Himalayas // Non-nominative subjects. Vol. 1 / Ed. by P. Bhaskararao, K. V. Subbarao. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 77–111.
- Emotions in Crosslinguistic Perspective / Ed. by J. Harkins, A. Wierzbicka. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. (Cognitive Linguistics Research 17).
- Croft W.* Case marking and the semantics of mental verbs // Semantics and the Lexicon / Ed. by J. Pustejovsky. Dordrecht [u. a.]: Kluwer Acad. Publ., 1993. P. 55–72.
- Kailuweit R.* Linking: Syntax und Semantik französischer und italienischer Gefühlsverben. Tübingen: Niemeyer, 2005.
- Kövecses Z.* Emotion Concepts. Frankfurt a. M.: Springer Verlag, 1990.
- Kövecses Z.* Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Kutscher S.* Kausalität und Argumenrealisierung: zur Konstruktionsvarianz bei Psychverben am Beispiel europäischer Sprachen. Tübingen: Niemeyer, 2009.
- Speaking of Emotions: Conceptualisation and Expression / Ed. by A. Athanasiadou, E. Tabakowska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. (Cognitive Linguistics Research 10).
- Studies in Evidentiality / Ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam: J. Benjamins Publ. Comp., 2003.
- Verhoeven E.* Experiential Constructions in Yucatec Maya: A Typologically Based Analysis of a Functional Domain in a Mayan Language. Amsterdam [u. a.]: Benjamins, 2007.
- Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.
- Wierzbicka A.* «Sadness» and «anger» in Russian: The non-universality of the so-

called «basic human emotions» // *Speaking of Emotions: Conceptualisation and Expression* / Ed. by A. Athanasiadou, E. Tabakowska. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 3–28. (Cognitive Linguistics Research 10).

Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

Список источников

- Бадм. *Бадмаева Г.* Шэнхинүүр хонхо. Улаан-Үдэ, 1984.
Жимб. *Жимбиев Ц.-Ж.* Гал могой жэл. Улаан-Үдэ, 1972.
Тум.ТБ *Тумунов Ж.* Талын бүргэд. Улаан-Үдэ, 1975.
Ш *Шагжин Ц.* Улаан морид. Улаан-Үдэ, 1974.
Х *Хамаев Ц.-Д.* Үүрээр ерэн үер. Улаан-Үдэ, 1975.
ХН.ҮТ *Намсараев Х.* Үүрэй толон. Улаан-Үдэ, 1950.
БК Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения 05.02.2015).

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ABL – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **CAUS** – каузативный залог, **COMP** – скрепа, вводящая придаточное дополнительное (complementizer); **CVB** – деепричастие; **FUT** – будущее время; **GEN** – родительный падеж; **DAT** – дательный падеж; **IMP** – повелительное наклонение; **INS** – инструментальный падеж; **INTENS** – маркер интенсивности действия; **LOC** – дательно-местный падеж; **NEG** – отрицание; **NOM** – неопределенный (именительный) падеж, **Q** – вопросительная частица; **PAST** – прошедшее время, **PI** – множественное число, **POSS** – лично-притяжательные показатели, **PRES** – настоящее время; **PROPR** – проприетив, имя обладания признаком; **PrtFut** – причастие будущего времени, **PrtPast** – причастие прошедшего времени, **PTCL** – частица; **REFL** – показатели субъектного (возвратного) притяжания; **Sg** – единственное число.

E. K. Skribnik

Buryat emotive constructions with the complementizer *geže*

Buryat complex emotive constructions allow dependent clauses of two major types: finite ones with an analytic complementizer derived from an auxiliary quotation verb (*geže*), and non-finite ones consisting of participles with case affixes. The opposition between finite and non-finite complementation lies in the nature of the stimulus, a real event or a mental construct; it can be seen as an opposition between a first-hand and a non-first-hand information source in dependent clauses («evidential strategy», [Studies in Evidentiality, 2003, p. 18–20]).

Keywords: buryat emotive constructions, complementizer *geže*, opposition non-finite vs. finite dependent clauses, information source.